

Научная статья
 УДК 002.2:008
<https://doi.org/10.20913/2618-7515-2024-2-18-26>

Экология книжной культуры: к поискам концепта

Book Culture Ecology: Looking for a Concept

© **Соковиков Сергей Степанович**
 кандидат педагогических наук, доцент,
 доцент кафедры философии и культурологии,
 Челябинский государственный
 институт культуры (ЧГИК),
 ул. Орджоникидзе, 36а, Челябинск,
 454091, Россия
 ORCID: 0000-0002-2151-2684
 e-mail: sokovik49@mail.ru

© **Аскарова Виолетта Яковлевна**
 доктор филологических наук, кандидат
 педагогических наук, профессор,
 профессор кафедры библиотечно-
 информационной деятельности,
 Челябинский государственный
 институт культуры (ЧГИК),
 ул. Орджоникидзе, 36а, Челябинск,
 454091, Россия
 ORCID: 0000-0002-0787-8567
 e-mail: viovita@ya.ru

Sokovikov Sergey Stepanovich
 Candidate of Pedagogical Sciences,
 Associate Professor, Associate Professor
 of the Philosophy and Cultural Studies Chair,
 Chelyabinsk State Institute of Culture (ChSIK),
 36 a Ordzhonikidze St., Chelyabinsk, 454091, Russia
 ORCID: 0000-0002-2151-2684
 e-mail: sokovik49@mail.ru

Askarova Violetta Yakovlevna
 Doctor of Philological Sciences,
 Candidate of Pedagogical Sciences,
 Professor, Professor of the Library
 and Information Activities Chair,
 Chelyabinsk State Institute of Culture (ChSIK),
 36 a Ordzhonikidze St., Chelyabinsk, 454091, Russia
 ORCID: 0000-0002-0787-8567
 e-mail: viovita@ya.ru

В статье сделана попытка осмысления экологичности книжной культуры, ее значимости для общественного развития и возвышения человеческих потребностей. Актуализация этой проблемы связана с современным состоянием книжной культуры, для которой характерны минимизация государственного управления книжным делом, абсолютизация коммерческого подхода, появление большого количества игроков на книжном рынке, многообразие книжной продукции в различных форматах и приемов ее продвижения, трансформация и переоценка содержания деятельности институтов инфраструктуры чтения и др. Это требует, на наш взгляд, переосмысления состояния книжной культуры и включения критериев экологичности в ее функционирование, что предполагает прежде всего общественное внимание к ее различным проявлениям на предмет их соответствия гуманистическим ценностям и национальным интересам. Цель статьи – выявление и обоснование концепта «экология книжной культуры». Формирование представлений об этом концепте проводилось в контексте парадигмы экологии культуры через уточнение ее содержания и основных векторных направлений. В статье также обосновано значение книжной культуры, рассмотрены различные подходы к ее трактовке. Показано, что экокультурные аспекты книжной культуры являются органичным воплощением ее статических

The authors have attempted to comprehend the ecological component of book culture, its importance for social development and evolution of human needs. This problem updating is closely connected with the modern state of book culture, characterized by minimization of state management, absolutist commercial approach, appearance of the great amount of players on the book market, multiformity of book products and modes of their advancement, transformation and re-estimation of activities of institutes of reading infrastructure, etc. It demands, according to our viewpoint, re-comprehension of the book culture state, inclusion of ecological criteria into its functioning, which presupposes, most of all, social attention to its various manifestations due to their correspondence to humanist values and national interests. The aim of the article is to reveal and justify the “book culture ecology” concept. The formation of ideas about this concept was carried out in the context of the paradigm of cultural ecology through clarification of its content and main vector directions. The article justifies the importance of book culture and considers different approaches to its treatment. It is shown that the eco-cultural aspects of book culture are an organic embodiment of its static and dynamic characteristics. In the progress of the study, the authors used terminological and operational analysis as well as structural-functional approach. Eco-cultural approach

и динамических характеристик. В ходе исследования использовались терминологический, операциональный анализ и структурно-функциональный подход. Экокультурный подход к различным явлениям книжной культуры устанавливает этические нормы функционирования разных акторов книжного дела, определяет значимые для общества принципы их деятельности. Кроме того, обозначены сложности разработки критериев экологичности книжной культуры. Результатом анализа стала обобщенная дефиниция исследуемого концепта.

Ключевые слова: экология, экокультурный подход, экология культуры, книжная культура, концепт, информационная экология, экология книжной культуры

Для цитирования: Соковиков С. С., Аскарова В. Я. Экология книжной культуры: к поискам концепта // Труды ГПНТБ СО РАН. 2024. № 2. С. 18–26. <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2024-2-18-26>

Введение

Книжная культура с момента ее зарождения была ареной столкновения различных социальных сил, которые старались использовать книгу и чтение как средство установления определенного социального порядка, борьбы за умы людей и источник прибыли. В последние полвека в России книжное дело переживает трансформации, обусловленные новой коммуникационной ситуацией, реалиями цифрового века и изменением всего строя общественной жизни. Колоссальное влияние книжной культуры на социум и каждого отдельного человека в контексте нынешних противоречий общественной жизни побуждает заново осмыслить состояние книжной культуры, ее принципы и идеологию, в частности экологическую составляющую.

Вполне очевидно, что дефиниция экологии книжной культуры выступает производной от понятия «экология культуры». Одним из первых отметил ее цивилизационную значимость Д. С. Лихачев: он настаивал на необходимости бережного, экологического отношения к культурно-историческому наследию, социальным институтам и процессам, воспроизводящим и созидаящим материальные и духовные ценности, а также к инфраструктурным институтам, которые обеспечивают создание, репрезентацию и сохранение культурных ценностей [1, с. 502].

Экокультурный подход оказался не просто «модным», а чрезвычайно востребованным в контексте самых острых, злободневных проблем современного культурного пространства, и это очевидно образом подтверждает появление различных научных направлений, посвященных подобной проблематике. Среди них можно отметить:

to different phenomena of book culture defines ethical norms of functioning of book-publishing industry different actors, determines their most important for the society principles of activity. Moreover, the study has defined difficulties of developing book culture ecological compatibility criteria. The result of the analysis has manifested itself in the generalized definition of the concept under study.

Keywords: ecology, eco-cultural approach, ecology of culture, book culture, concept, informational ecology, ecology of book culture

Citation: Sokovikov S. S., Askarova V. Ya. Book Culture Ecology: Looking for a Concept // Proceedings of SPSTL SB RAS. 2024. No. 2. P. 18–26. <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2024-2-18-26>

визуальную экологию антропогенной среды; экологию музыки; экологию экранной культуры; информационную экологию; экологию исторической памяти, в частности памятников культуры прошлого; экологию нравственности, веры, этноса, нации; экологию телесной и психической жизни; экологию образования; экологию языка; эколингвистику, экосемиотику, экоархитектуру и др. Органичной частью и важнейшей составляющей экологии культуры является экология книжной культуры, которая определяет совокупность специфических аспектов существования и функционирования всех звеньев книжного процесса: от создания до восприятия текстов различной природы. Назрела необходимость разобраться в сущности ее концепта.

«Экология книжной культуры»: от метафоры к определению понятия

Избыточная широта предметного спектра экологической парадигмы культуры порождает сомнения в возможности точного определения ее статуса и содержания. Отсюда возникают утверждения о том, что экология культуры – не термин, обозначающий конкретное предметное содержание, а метафора, «которая скорее выражает концепт, чем понятие» [2, с. 4]. Последнее стоит уточнить, поскольку понятие непременно образом входит в содержание концепта как более сложного содержательно-смыслового образования. Тем самым концепт включает и понятийный уровень характеристики отображаемого явления. Впрочем, именно сложность концепта «экология культуры» приводит нередко к неточностям в интерпретации его содержания. Так, например, вызывает сомнения то, что экология культуры является одной

из составляющих экологии личности [3, с. 11] (при всем понимании значения личности культура все же предстает более масштабным феноменом). По мнению С. С. Неяниной, экология культуры призвана заботиться о будущем самой культуры, которой угрожают обесценивание и искажение в силу «усиления роли материального, массово-повседневного» [4, с. 33]. Вряд ли отмеченный процесс так однозначно негативен, поскольку соотношение и взаимодействие материального и духовного в культуре имеет более сложный характер, включая и позитивные стороны. Е. А. Ставицкая определяет экологию культуры как область знания, исследующую «историю взаимоотношений биосферы и антропогенной материально-духовной сферы» [5, с. 9]. Несомненно, культурные явления и процессы осуществляются в том числе в связи с естественно-природной средой. Однако обращение исключительно к истории их взаимодействия по сути возвращает нас к отношениям «человек – природная среда», то есть к общей экологической культуре как таковой, не показывая специфичность экологии культуры как самостоятельного феномена.

Неудивительно, что в ситуации некоторой теоретической непрозрачности возникают несколько произвольные суждения, с которыми трудно согласиться. Так, например, утверждается, что экология культуры представляет собой «рудимент предыдущих общественно-экономических формаций, так что в постиндустриальном обществе... для экологии культуры остается узкая зона профессионалов – литературоведов, искусствоведов, историков культуры и т. д.» [6, с. 215]. Во-первых, в предыдущих формациях ни экологии культуры, ни общей экологии не существовало в качестве от-refлексированной части культурного сознания и целенаправленных социокультурных практик. Поэтому экология культуры не может быть последствием несуществовавшего, тем более его рудиментом. Во-вторых, несомненная значимость профессионалов в деле экологии культуры (при любом ее понимании) не устраняет соучастия в этом других субъектов (акторов), совокупность которых очень разнообразна.

Представляется более точным предложение Е. Н. Устюговой улавливать экологию культуры в двух модусах. В первом культура понимается как мир человеческих смыслов, и тогда «задачи экологии культуры видятся в сохранении традиции, ценностно-смысловой, языковой преемственности» [7, с. 67]. Во втором культура выступает в структурно-функциональных ракурсах как совокупность образующих антропогенный ландшафт культурных сред, создающих во взаимодействии коммуникативное пространство обмена смыслами [7, с. 67]. Хотя сама Е. Н. Устюгова отмечает, что в такой интерпретации «экология культуры» почти аналогична культурологии в целом, а значение экологии культуры как практической деятельности

предстает туманным [7, с. 67], следует признать, что показанные в этом подходе «экокультурные» срезы – «традиционно-сохранительный» и «коммуникативно-смыслотворческий» – дают основания для дальнейшей предметной конкретизации и развертывания содержания концепта.

В этом смысле продуктивным представляется подход С. О. Петрова, рассматривающего экологию культуры как органичную часть культурологии. Он видит путь к синтезу экологии и культурологии в экстраполяции понятий, способов и моделей, возникших в экологии при изучении биосферы, на осмысление собственно культуры (вне ее прямой зависимости от биосферы). Это дает возможность «рассматривать культуру в ее собственной внутренней организации и развитии как подобную биосфере целостную экосистему» [8, с. 197]. В качестве примеров подобных экстраполяций С. О. Петров приводит концепты «культурная атмосфера» и «культурная почва», уточняя, что это выражает не условное обозначение культурной среды, а ее определенные, реально определенные части [8, с. 197]. Тогда вполне обоснованно возникает возможность осмысления и артикуляции актуальных проблем загрязнения культурной атмосферы или истощения культурной почвы не в условно-символическом, а вполне в предметном плане.

Разумеется, содержание экологии культуры не ограничивается «культурной атмосферой» и «культурной почвой». Если в самом общем виде представить экологию культуры как совокупность специфичных аспектов существования и деятельности человека в порожденной им культурной среде, то экологическую специфику этого можно очертить с помощью определения элементов лексико-семантического поля «экология». В контексте наиболее благоприятного для общества и субъекта взаимодействия с культурной средой правомерно, на наш взгляд, выделение следующих лексем, представляющих векторы экологии культуры с опорой на концепт «культурная (антропогенная) среда»:

- адаптация к среде;
- рационально-позитивные ориентации во взаимодействии со средой;
- повышение качества производства и потребления элементов среды;
- безопасность потребления элементов среды;
- защита среды от негативных воздействий;
- санация (оздоровление) «загрязнений» среды;
- восстановление (рекультивация) среды;
- сохранение среды;
- изучение состояний и проблемных ситуаций среды.

Имея в виду принцип фрактальности, можно полагать, что экология книжной культуры в целом релевантна отмеченным направлениям экологии культуры в целом. Такое понимание,

как представляется, коррелирует с точным высказыванием Эйнара Хаугена о литературном языке: «Истинная среда языка – это общество, которое использует его как один из своих кодов» [9, p. 57]. Вместе с тем определенная сложность в конкретизации ее специфики возникает в связи с разнообразием толкований самой книжной культуры.

Многоликость книжной культуры как основание ее экологических аспектов

Исследование экологии книжной культуры требует обращения к ее базовой составляющей – книжной культуре. Некоторые подходы к ее определению демонстрируют высокую степень обобщенности. Так, например, А. В. Соколов, акцентируя функциональное назначение книги, представляет следующую дефиницию: «книжная культура – это творческая и коммуникационная деятельность человеческого общества, осуществляемая посредством символов в книжной форме» [10, с. 11–12]. На наш взгляд, сведение культуры к деятельности весьма спорно и обедняет ее содержание. Польский исследователь Кшиштоф Мигонь видит книжную культуру как «совокупность явлений и процессов, связанных с книгой, происходящих в культуре и обществе в данном времени и месте» [11, s. 234]. В этом плане более полной представляется трактовка Г. М. Казаковой, рассматривающей книжную культуру в общекультурном контексте как саморазвивающуюся систему, включающую «человека как объекта и субъекта культуры одновременно, его специфическую деятельность по производству, распространению и потреблению всего связанного с книгой/документом, а также многоосновное предметное бытие книги/документа – материальное, духовное и художественно-образное» [12, с. 111]. Основные сферы книжной культуры определяет В. И. Васильев, относя к ним издательскую культуру, искусство книги, типографское искусство, искусство художественного переплета, культуру распространения книги в обществе, культуру чтения [13, с. 90–91]. Такие формульные понятия несут несомненный эвристический потенциал, предполагая вместе с тем более предметное развертывание содержания концепта. На наш взгляд, в этом перечне особым аспектом стоит выделить культуру взаимодействия с читателем как с конечным адресатом книжного процесса.

К. Г. Антонян и Н. А. Соколова предлагают еще более широкое понимание книжной культуры, включая в нее «мировоззренческие и ментальные аспекты развития личности, общую культуру восприятия, осмысления и воспроизведения информации, гигиену мысли и мышления», в силу чего книжная культура формирует «определенный тип восприятия мира, стиль и логику мышления,

ментальные и этические установки как индивидуальные, так и социокультурные» [14, с. 7–8]. Принимая в целом позитивный пафос такого подхода, следует все же уточнить: вклад «книжности» в формирование названных аспектов сомнения не вызывает, однако в реальном культурном пространстве они складываются под действием гораздо более широкого и разнообразного спектра факторов. Стоит также иметь в виду отмеченную итальянским филологом Франко Моретти возможность интерпретации феноменов «литературности» и «книжности» с обращением к теоретическим моделям естественных и социальных научных дисциплин [15, p. 122].

В некоторых случаях книжная культура представляется в качестве подсистемы общества, оперирующей «образцовыми (высокоразвитыми, рафинированными) предпосылками концептами» [16, с. 96]. Что касается «образцовых концептов», выполняющих роль культурных констант в культуре в целом и образующих в том числе смысловые основания книжной культуры, их значение неоспоримо. Однако сведение ее содержания только к данным концептам означает некую идеализацию явления и осязаемое обеднение его реального содержания, включающего книжные артефакты и практики самых разных качественных уровней, далеко не всегда «образцово-рафинированных». Тем не менее это не устраняет такие артефакты из реального «книжного пространства» и заставляет считаться с ними как с определенными явлениями книжной культуры, в которой с самого начального периода ее зарождения присутствуют как «высокие», так и «низкие» образцы.

Стремление «охватить» существенные черты книжной культуры более предметно не всегда приводит к оптимальным результатам. Так, например, в содержательной работе В. Л. Бенина, Р. А. Гильмияновой и С. Е. Чушкиной дается следующее определение: «книжная культура представляет собой интегративную характеристику культурного процесса, включающую единство как непосредственной деятельности людей по передаче/освоению в знаковой форме накопленного социального опыта, так и результаты этой деятельности, закрепленные в виде знаний, умений, навыков, компетенций и специфических институтов такой передачи от одного поколения к другому в пространстве и во времени» [17, с. 35]. Непонятно, почему в этой трактовке нет упоминания о социокультурном творчестве как об акте формирования культурного опыта и не учтен синхронный вектор культуры в актуальном срезе пространства/времени.

Закономерно, на наш взгляд, включить в качестве компонентов книжной культуры культуру писательского труда, организацию пространства книги и чтения с ее артефактами (памятниками

читателям, издателям, писателям, литературным и сказочным героям, предметам художественных произведений и др.), состояние институтов инфраструктуры книжного дела в целом и всех участников книжного процесса (писателей, издателей, работников книжной торговли), их взаимодействие с читателями. В этом перечне должна найти свое место и культура иных специалистов, прямо или косвенно осуществляющих создание, исполнение, экспонирование, показ и интерпретацию книжных текстов, использующихся в качестве инструмента образования, воспитания, идеологического воздействия: это участники литературно-творческих объединений, педагоги, библиотекари, литературные критики, служители религиозного культа, блогеры, музейные работники, творческие коллективы театров и кино. Как отметила Н. В. Лопатина, отношения этих акторов базируются на специфическом комплексе формальных и неформальных правил, принципов и норм, которые регулируют жизнь книги [18].

Определенное место в книжной культуре занимают мебель и одежда для чтения¹. Возможно, и с этими «включениями» перечень явлений книжной культуры не может претендовать на завершенность. В этом смысле более точным видится подход Ю. В. Тимофеевой, выделяющей в качестве элементов книжной культуры следующие:

- 1) книгоиздание (количественные, качественные, структурные показатели в различных региональных масштабах; издательский диапазон, полиграфические и художественно-дизайнерские аспекты и др.);
- 2) книгораспространение (виды и формы хранения, логистики и мест сбыта книжной продукции; библиотечное дело; интернет-технологии);
- 3) читатель и книга (потребности и запросы в сфере чтения, спектр читательских интересов, эффективность процессов чтения, чтение как усвоение культурного наследия);
- 4) взаимодействие различных акторов (писателей, соучастников создания книжной продукции, книгораспространителей, библиотекарей, литературных критиков, читателей/слушателей и др.) [19, с. 273–274].

Автор отталкивается, по сути, от основных функционально-действенных сфер книжной культуры. В эту структуру, дающую, на наш взгляд, достаточно полное представление о содержании книжной культуры, Н. А. Кривич и А. Ю. Чукуров вполне логично предлагают включить собственно книгу как относительно самодостаточный продукт

¹ Лизетка (liseuse) – одежда для чтения, которая представляет собой платье или блузу, теплые с изнаночной стороны, легкие и удобные для чтения в постели. Этот наряд получил распространение в Западной Европе в XVIII в. на волне «бума чтения». В XXI столетии родилась дизайнерская идея изготовления одеяла с рукавами, которое заканчивается перчатками со свободным указательным пальцем для перелистывания страниц.

интеллектуальной (формирование замысла и его текстовое воплощение) и материальной (производство книжного артефакта в опредмеченной форме) деятельности [20, с. 111].

В дальнейшем разворачивании матричного представления о структурно-функциональных основаниях книжной культуры целесообразно, на наш взгляд, использовать ракурсы системного подхода, показанные С. Н. Лютовым [21, с. 60]. Его позиция достаточно продуктивна, поскольку придает видению книжной культуры объемность и многоаспектность, коррелирует с другими теоретическими моделями и, что существенно важно, рассматривает «книжность» в многообразии контекстов культуры в целом: «В культурологических исследованиях... акцент смещается от “культуры книги” к “книге в культуре”» [21, с. 65].

Такой акцент считается принципиально важным при обращении к теме экологии книжной культуры. Целесообразно спроецировать выявленные векторы экологической культуры на очерченное выше пространство «книжности». Представляется, что практически все его зоны (сферы, локусы, уровни и т. д.) так или иначе проблематичны в экологическом отношении. Экологические вопросы книжного пространства связаны и со «статикой» книжной культуры – фундаментальными основаниями, определяющими непреходящее значение книги в культурно-исторической перспективе, и с ее «динамикой» – процессами адаптации к новым актуальным социокультурным ситуациям [12, с. 112]. При этом «вписанность» книги в общекультурный ландшафт и сложный состав книжной культуры неизбежно требует обращения к различным контекстам, в которых возникает эта проблематика.

Экология книжной культуры в контексте информационной экологии

В русле информационной экологии становится очевидным, что современная культурная среда отягощена информационными перегрузками, стрессами и загрязнениями [22, с. 86]. В этом смысле книга в ее относительно традиционном формате может сыграть экотерапевтическую роль, особенно в ситуациях гипертрофированного развития гипертекстуальности. Как справедливо отмечает И. А. Инюшина, «...культура нуждается в книге. Книга спасает от феномена “головокружения от лабиринта”, так как гарантирует отсутствие избыточности, в которую, например, нас силится погрузить гипертекстуальность Интернета. Книга является визуально обозримой формой памяти, предоставляя возможность сохранять необходимое для данной культуры» [23, с. 122]. В то же время традиционная бумажная книга, попадая в гипертекстуальное пространство, может оказаться в ситуации своего рода «аннигиляции»,

в результате чего возникает угроза ее исчезновения из актуального культурного оборота в качестве самодостаточного и целостного текста-артефакта. В значительной степени это обстоятельство уже стало фактом реальной жизни – на наших глазах вырастает поколение, ограничивающее свое чтение экраном электронных устройств.

Вызывают беспокойство исследователей и кризисные черты культуры чтения в целом. Так, представляя представление результатов конкретного исследования состояний литературного чтения в США с говорящим названием «Чтение в опасности», председатель Национального фонда искусств Дана Джойя с тревогой отмечает: «На карту поставлено больше, чем просто чтение. Оно не является вечным, универсальным умением. Высокая грамотность – это особый интеллектуальный навык и социальная привычка, зависящие от множества факторов»².

Впрочем, сама по себе книга – отнюдь не панацея от экокультурных сложностей и проблем, в том числе «внутрикнижных». В их числе экологическая безопасность культурно-языкового пространства книжного произведения. Исследователи отмечают негативные тенденции в языковом материале книжных текстов, оказывающие деструктивное влияние на читательскую аудиторию как носителя языка и культуры. Это выражается в речевой агрессии, деградации культурно-языковой среды, ее засорении вплоть до «лингвотоксикации» [24, с. 27]. В печати появляются тексты, загрязненные художественно неоправданной обценной лексикой, оскорбляющей человеческое достоинство и легализующей сниженные нормы речевого поведения. В связи с этим поднимается вопрос о формировании «эколингвистической политики» [25, с. 171], призванной целенаправленно предупредить, минимизировать или устранить негативное воздействие «дегенеративных» аспектов книжных текстов на культурно-языковую среду. Вполне ясно, что подобный подход имеет выраженный экологический характер, причем на уровне не только теоретического осмысления, но и конкретных социокультурных практик.

Трансформации современного культурного пространства оказывают сложное воздействие на книжную культуру, порождая «читательские экологические катастрофы» и потребность в рекультивации культуры «экологического чтения» [26, с. 144]. Н. В. Суленева и Е. В. Емченко сравнивают экологию чтения с процессами возделывания почвы с целью ее совершенствования, акцентируя недопустимость хищнического отношения, ведущего к истощению и разрушению этого важнейшего жизненного ресурса [26, с. 148]. Хотелось

бы уточнить, что такое суждение не ограничено метафоричностью, а имеет вполне предметный характер, воплощаемый в конкретных формах культурно-экологической деятельности. В этом смысле сущностно важной представляется мысль польского лингвиста А. Киклевича о теснейшей функциональной взаимосвязи этических и экологических аспектов литературного языка [27, с. 35–36].

По выражению А. П. Самсонова, в реальном пространстве книжной культуры водятся и «жертвы», и «хищники». В роли последних, по его мнению, выступает массовая культура в ипостаси массовой литературы, создающая «экологическую полноту» культурного рынка [28, с. 7]. Помимо прочего, такая полнота обеспечивается и тем, что возникновение каждого негативного фактора порождает нацеленных на сохранение оптимального баланса среды «нейтрализаторов этого вреда (очистителей-поглотителей)» [28, с. 4]. Здесь, на наш взгляд, отчетливо проявляется действие экологически значимого механизма культурной компенсаторности, направленного на восстановление оптимального баланса состояний культурной среды [29].

Со времен древней книжности акторы, наделенные определенными полномочиями, стремились «очистить» книжное пространство от негативных, с их точки зрения, влияний. Формами отторжения нежелательных и запрещенных для распространения произведений словесности со стороны органов духовной и светской власти были церковные индексы, энциклики, папские буллы, кодексы, списки «истинных и ложных», «лжавых и картановых книг», цензурные циркуляры, законы и др. – они реализуют функции запрещения, предписания и ограничения в книжном процессе. Практиковались властными структурами и такие жесткие методы исключения определенных книжных текстов, как акты их публичного уничтожения.

Более мягкими формами воздействия на книжную культуру являются реклама, методы и средства социальной технологии и инженерии; эти способы санации книжного пространства возникают, как правило, на пересечении нескольких экокультурных направлений (экологии книжного текста, жанров, информационной среды и др.).

В этом контексте представляется уместным привести отмеченные С. О. Петровым основные функциональные типы субъектов, соучаствующих в экосистеме культуры: выступающие в роли *прокреаторов (творцов)* культуры; действующие в функции потребления – *консьюмеры (потребители)* культуры; осуществляющие функцию разрушения – *диссолюторы (растворители)* культуры [8, с. 200]. Отсюда становятся более ясными функции экологии книжной культуры: по отношению к *прокреаторам* она работает

² Reading at risk: a survey of literary reading in America. Research division report #46. Washington: National Endowment for the Arts, 2004. URL: <https://www.arts.gov/sites/default/files/ReadingAtRisk.pdf> (accessed 05.06.2024).

в направлениях поддержки, культивирования и стимулирования их творческой деятельности; для *консьюмеров* существенным выступает обеспечение условий позитивно ориентированного потребления качественного книжного продукта; деятельность *диссолюторов* необходимо контролировать и корректировать с целью нивелирования негативного эффекта их воздействия на общество.

Важно отметить, что понимание книжной культуры и, соответственно, ее экологии так или иначе представлено в контексте различных видов деятельности, связанной с книгой. По этой причине именно функционально-деятельностный подход целесообразно использовать при определении структурно-содержательных характеристик экологии книжной культуры. Учитывая это, можно на основании изложенной информации предложить ее понимание. Экология книжной культуры реализуется в деятельности разностатусных социокультурных субъектов, направленной: на создание и поддержание благоприятной для общества и его развития книжной среды; сохранение традиционных ценностных констант феномена книги; рекультивацию книжного пространства с целью минимизации или устранения негативных факторов его засорения; обеспечение антропологически безопасного производства, распространения и потребления артефактов книжной культуры; изучение книжного пространства для обоснования эффективной деятельности в этих направлениях. Экология книжной культуры предполагает также применение технологий означенной социокультурной деятельности и полученных результатов.

Заключение

Таким образом, экокультурный подход к явлениям книжной культуры направлен прежде всего на формирование этических норм в деятельности различных акторов книжного дела. Проблемы, существующие в этой сфере, требуют применения широкой общественной экспертизы с целью направления активности участников книжного процесса на социальное благо. Активное и корректное проведение подобной экспертизы позволит более точно использовать методы и средства социальных технологий, направленных на широкий спектр гуманистически ориентированных социокультурных практик.

Перспектива конкретизации концепта экологии книжной культуры видится в высвечивании компонентного содержания этого явления, что позволит более предметно определить направления, тематические и функционально-смысловые локусы экологии книжной культуры.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Заявленный вклад авторов

Соковиков С. С.: формулировка ключевых целей и задач исследования, анализ и обобщение данных литературы, интерпретация результатов, формулировка выводов, редактирование и переработка текста рукописи.

Аскарова В. Я.: анализ и обобщение данных литературы, редактирование и переработка текста рукописи, оформление метаанных статьи в соответствии с требованиями журнала «Труды ГПНТБ СО РАН».

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов, имеющих отношение к этой статье.

Список литературы

1. Лихачев Д. С. Экология культуры // Избранные труды по русской и мировой культуре. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург, 2015. С. 485–511.
2. Луков В. А. Экология культуры и тезаурусная трактовка будущего // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 3. С. 3–11. DOI: <https://doi.org/10.17805/ggz.2017.3.1>.
3. Кулабухов Д. А. Экология культуры: культурно-антропологические аспекты : дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2007. 148 с.
4. Неянина С. С. Экология культуры в контексте решения проблемы признания человеком ответственности перед будущим // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2020. № 2. С. 32–35.
5. Ставицкая Е. А. «Экология культуры» в отечественной культурологической мысли XX–XXI вв. : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2015. 24 с.
6. Кузнецова Т. Ф. Культурные константы и экология культуры // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 4. С. 208–220. DOI: <https://doi.org/10.17805/zpu.2017.4.18>.
7. Устюгова Е. Н. Экология культуры: грани проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17, Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2013. № 3. С. 64–69.
8. Петров С. О. Экология культуры: между метафорой и теорией // Культура и цивилизация. 2018. Т. 8, № 1А. С. 196–205.
9. Haugen E. The ecology of language // The ecolinguistics reader: language, ecology and environment. London ; New York, 2001. P. 57–66.
10. Соколов А. В. Эссе о библиотечной постсовременности // Вестник культуры и искусств. 2020. № 1. С. 7–18.
11. Migoń K. Kultura książki // Encyklopedia książki. Wrocław, 2017. Т. 1: Eseje. A–J. S. 234–235.
12. Казакова Г. М. Книжная культура: диалектика «статичного» и «динамичного» // Научные и технические библиотеки. 2021. № 5. С. 109–128. DOI: <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2021-5-109-128>.
13. Васильев В. И. История книжной культуры: теоретико-методологические аспекты. Москва : Наука, 2004. 111 с.
14. Антонян К. Г., Соколова Н. А. Перспективы «книжной культуры» в контексте медиатизации образования // Дискурс. 2019. Т. 5, № 6. С. 5–15. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-6-5-15>.
15. Moretti F. Distant reading. London ; New York : Verso, 2013. 254 p.
16. Шеметова Е. П. Ценностные основания книжной культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. 2009. № 2. С. 93–96.
17. Бенин В. Л., Гильмиянова Р. А., Чушкина С. Е. Сущность и структура книжной культуры // Педагогический журнал Башкортостана. 2015. № 5. С. 34–43.
18. Лопатина Н. В. Книжная культура информационного общества // Культура: теория и практика. 2016. № 5/6. URL: <http://theoryofculture.ru/issues/69/898/?ysclid=lv1012ml412739224> (дата обращения: 04.05.2024).
19. Тимофеева Ю. В. Книжная культура: дефиниции понятия // Философия образования. 2011. № 5. С. 268–275.
20. Кривич Н. А., Чукуров А. Ю. Книжная культура: вызовы современности // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 4. С. 110–114.
21. Лютов С. Н. Методологические основания междисциплинарных исследований современной книжной культуры // Научные и технические библиотеки. 2019. № 9. С. 56–70. DOI: <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2019-9-56-70>.
22. Петрова Е. В. Информационная экология и современная культура // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 51-3. С. 84–88. DOI: <https://doi.org/10.18411/lj-06-2019-73>.
23. Инюшина И. А. Книга в визуальной семиологии Умберто Эко // История. Семиотика. Культура : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Самара, 17–18 нояб. 2017 г.). Самара, 2017. С. 116–125.
24. Шаховский В. И. Триада экологий – человек, язык, эмоции – в современной коммуникативной практике. Волгоград : Перемена, 2017. 358 с.
25. Лаут Н. А. Детская книга: экология языка и культурно-языкового развития читателя в аспекте медиабезопасности // Modern Humanities Success. 2021. № 6. С. 167–173.
26. Суленева Н. В., Емченко Е. П. Экология чтения: контекстуальность текста // Чтение на евразийском перекрестке : пятый Междунар. интеллектуал. форум (Челябинск, 24–25 окт. 2019 г.) : материалы форума. Челябинск, 2019. С. 143–148.
27. Kiklewicz A. Language functions in the ecolinguistic perspective // New pathways in linguistics. Olsztyn, 2008. P. 23–45.
28. Самсонов А. Л. Экология чтения // Экология и жизнь. 2007. № 1. С. 3–7.
29. Соломко Д. В., Соковиков С. С., Невелева В. С. Экогуманистические аспекты компенсаторного механизма культуры // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 48–56. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/480/6>.

References

1. Likhachev DS (2015) Ecology of culture. *Izbrannyye trudy po russkoy i mirovoj kulture*. Saint Peterburg, pp. 485–511. (In Russ.).
2. Lukov VA (2017) Ecology of culture and thesaurus interpretation of the future. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya* 3: 3–11. DOI: <https://doi.org/10.17805/ggz.2017.3.1>. (In Russ.).
3. Kulabukhov DA (2007) Ecology of culture: cultural-anthropological aspects: dis. ... kand. filosof. nauk. Belgorod. (In Russ.).
4. Neianina SS (2020) Ecology of culture in the context of the solution of the acknowledgement of man's responsibility before the future problem. *Tradicionnye nacional'no-kulturnye i duhovnye cennosti kak fundament innovacionnogo razvitiya Rossii* 2: 32–35. (In Russ.).
5. Stavitskaia EA (2015) Ecology of culture in national culturalogical thought in XX–XXI centuries: avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk. Moscow. (In Russ.).
6. Kuznetsova TF (2017) Cultural constants and ecology of culture. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 4: 208–220. DOI: <https://doi.org/10.17805/zpu.2017.4.18>. (In Russ.).

7. Ustiugova EN (2013) Ecology of culture: facets of the problem. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedenie* 3: 64–69. (In Russ.).
8. Petrov SO (2018) Ecology of culture: between a metaphor and a theory. *Kul'tura i civilizaciya* 8 (1A): 196–205. (In Russ.).
9. Haugen E (2001) *The Ecology of Language. The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment*. London, New York, pp. 57–66. (In Russ.).
10. Sokolov AV (2020) Essay on the library post-modern times. *Vestnik kul'tury i iskusstv* 1: 7–18. (In Russ.).
11. Migoń K (2017) Kultura książki. *Encyklopedia książki*. Wrocław, t. 1, ss. 234–235. (In Pol.).
12. Kazakova GM (2021) Book culture: dialectics of “static” and “dynamic”. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki* 5: 109–128. DOI: <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2021-5-109-128>. (In Russ.).
13. Vasilev VI (2004) *History of book culture: theoretical and methodological aspects*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
14. Antonian KG and Sokolova NA (2019) Prospects of book culture in the context of education mediatization. *Diskurs* 5 (6): 5–15. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-6-5-15>. (In Russ.).
15. Moretti F (2013) *Distant Reading*. London, New York: Verso. (In Engl.).
16. Shemetova EP (2009) Values of book culture. *Vestnik SPBGUD* 2: 93–96. (In Russ.).
17. Benin VL, Gilmiianova RA and Chushkina SE (2015) Essence and structure of book culture. *Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana* 5: 33–42. (In Russ.).
18. Lopatina NV (2024) Book culture in the information society. *Kul'tura: teoriya i praktika* 5/6. URL: <http://theoryofculture.ru/issues/69/898/?ysclid=lv1012ml412739224> (accessed:: 04.05.2024). (In Russ.).
19. Timofeeva YuV (2011) Book culture: notion definition. *Filosofiya obrazovaniya* 5: 268–275. (In Russ.).
20. Krivich NA and Chukurov AIu (2016) Book culture: challenge of modern times. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)* 4: 110–114. (In Russ.).
21. Liutov SN (2019) Methodological fundamentals of inter-disciplinary researches of book culture. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki* 9: 56–70. DOI: <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2019-9-56-70>. (In Russ.).
22. Petrova EV (2019) Information ecology and modern culture. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya* 51–3: 84–88. DOI: <https://doi.org/10.18411/lj-06-2019-3>. (In Russ.).
23. Iniushina IA (2017) Book in visual semiology of Umberto Eco. *Istoriya. Semiotika. Kul'tura: sb. materialov Vseros. nauch. konf.* Samara, pp. 116–125. (In Russ.).
24. Shakhovskiy VI (2017) Triad of ecologies – human being, language, emotions – in modern communicative practice. Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena». (In Russ.).
25. Laut NA (2021) Children’s book: ecology of a language and language and culture development of a reader in the aspect of media-security. *Uspekhi gumanitarnykh nauk* 6: 167–73. (In Russ.).
26. Suleneva NV and Emchenko EP (2019) Ecology of reading: text contextuality. *Pyatyy mezhdunarodnyj intellektual'nyj forum «Chtenie na evrazijskom perekrestke» : materialy foruma*. Chelyabinsk, pp. 143–148. (In Russ.).
27. Kiklewicz A (2008) Language functions in the ecolinguistic perspective. *New Pathways in Linguistics*. Olsztyn, ss. 23–28. (In Pol.).
28. Samsonov AP (2007) Ecology of reading. *Ekologiya i zhizn'* 1: 3–7. (In Russ.).
29. Solomko DV, Sokovikov SS and Neveleva VS (2022) Eco-humanitarian aspects of compensatory mechanism of culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* 480: 48–56. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/480/6>. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 13.05.2024
 Получена после доработки / Revised 10.07.2024
 Принята для публикации / Accepted 30.07.2024